

Москва
МХАТ им. Чехова

26.2.98

КУЛЬТУРА

МХАТ в Нью-Йорке

“Смешной” писатель Чехов

Культура — 1998 — 26 февр — с. 12

Бруклинская академия музыки, где играл МХАТ имени А.П. Чехова, — особая ниша в Нью-Йоркском театральном мире. Это одна из крупнейших в США прокатных площадок, красивое здание классического образца с залом на две тысячи мест. Руководитель театра, знаменитый продюсер Харви Лихтенштейн, в свое время организовал в БАМе (милля аббревиатура от полного имени театра) систему фестивалей. Каждый сезон здесь проходят гастроли элитарных европейских коллективов — оперных, симфонических, балетных и драматических.

Вот и в нынешнем сезоне МХАТ попал в неплохую компанию: лондонская труппа “Чик бай джонл”. Королевский шекспировский театр, оркестр Бруклинской филармонии, Миланская опера Буффа, Кировский балет. Сценическая площадка БАМа в отличие от бродвейских театров все же имеет минимальное техническое оснащение. Но львиную долю техники и оборудования МХАТ все равно привез с собой. Основные параметры площадки тоже оказались несколько иными: зеркало сцены больше, а площадь меньше. Впрочем, сами американцы не устают оспаривать в адрес собственной “академии”: “Наша бруклинская сцена хорошо приспособлена для игры в футбол”.

С американской стороны гастроли были организованы продюсерской компанией Бенджамина Мордека Декана Йельской драматической школы, в прошлом директор Йельского репертуарного театра, один из активно действующих бродвейских продюсеров, он осуществил большое количество театральных проектов. Его компания взяла на себя расходы по проживанию мхатовской труппы в Нью-Йорке, а также по аренде БАМа. А проезд артистов и провоз декораций оплатило Министерство культуры России.

“Три сестры” — проект явно не-

коммерческий. Однако Б. Мордека вполне осознанно за него берется. Только ли из личных вкусов и интеллектуальных потребностей? Это — само собой. Но еще и потому, что означенные в буклете солидный список спонсоры за свои постоянные вливания в культурные проекты не облагаются в США налогами. Вот триумф, который никак не могут усвоить российские законодатели.

Поняв, что предполагалось, что третьи американские гастролеры МХАТА будут более объемными — несколько спектаклей текущего репертуара и ряд городов. Увы, как всегда, подвели финансы, причем не только наши, но и приглашающей стороны. К тому же, по словам американских продюсеров, техническая оснащение мхатовской сцены значительно превосходит возможности местных прокатных площадок. Например, показ в том же БАМе спектакля “Борис Годунов” был бы попросту невозможен. В результате решили остановиться на одном спектакле — “Трех сестрах” Чехова, безусловной удаче театра.

Еще до начала гастролей спектаклю предстояли, в общем-то, серьезные испытания. Выверенная, обкатанная на публике постановка должна была значительно уменьшиться в сценическом времени, то есть подвергнуться определенным сокращениям — американские театральные непрофессиональные нормы не допускают, чтобы спектакль шел больше трех часов. Дальше либо просто выключается свет либо приходится платить обслуживающему персоналу вышестоящих “сверхуровней”. С профессионалами там вообще шуток почти, отдельные запреты казались “золотыми” россиянам едва ли не абсурдными. Так, любая попытка сфотографировать на встрече в БАМе своих же соотечественников или хотя бы просто перекинуть стул на несколько сантиметров вне-

ред наталкивалась на решительное “по”. А у съемочной группы, киновидеостудии “Риск” (Госкино России), снимавшей в Нью-Йорке фильм к 100-летию МХТ, за какие-то мифические нарушения безжалостно реквизируют каскету с отснятым материалом. В общем, решили не рисковать и сокращения все-таки произвели, причем не наспех в самолете, как почему-то предполагал один наш журналист, а заранее, в Москве.

Впрочем, из крупных текстовых купюр была заметна лишь одна — рассказ Вершинина о французском министре, заключенном в камеру. Сокращения, кстати, встречавшиеся и в грехных спектаклях, в частности, в знаменитых “Трех сестрах” Немчиновича-Данченко. Помимо этого, пожертвовали парой куплетов из Наташиной “Молитвы девы”, а также отдельные фразы из монологов Андрея, Ирины, Маши. Главным же было другое — добиться более динамичного течения спектакля, напряженного темпа, но не в целях спешки, а “на пользу делу”, как сказал Ефремов. В результате же американская премьера “Трех сестер” уложилась в отведенное время.

Хотя определенную неустойку американским продюсерам заплатить все же пришлось — опять-таки по техническим причинам. Приспособить сложную декорацию, конструкцию спектакля к сценическим условиям БАМа оказалось делом непростым. Вместо строго отведенных нескольких часов монтировочные работы растянулись едва ли не на всю предпремьерную ночь. Поворотный круг предательски скрипел, резонанс от звука шагов, по выражению Ми Савиной, был таким, словно идут не три сестры, а рота солдат. Это только добавляло нерва, напряженности и даже известного раздражения. К тому же это у нас можно репетировать сколько угодно, по-

ка не добьешься нужного результата, а там вновь — ограничения. Время вышло — и пусть у тебя творческий процесс в самом разгаре, но до завтра, господа артисты, встретимся на премьере. В общем, в день премьеры, 6 февраля, как признался Дмитрий Брусникин, самоощущение у многих артистов было попросту катастрофическим.

А интерес американской публики к спектаклю известной российской труппы появился загодя. Еще до приезда мхатовцев билеты на первые спектакли были раскуплены процентов на восемьдесят. Причем цена на них (20–60 долларов) практически не отличалась от стоимости билета на бродвейские постановки. Для сравнения: билет на Бродвей стоит от 15 до 75 долларов, причем последняя цифра характерна только для новых мюзиклов, вроде “Титаника” или “Короля-льва”. В общем, когда за час до премьеры на подходе к БАМу и в кассовом зале была обнаружена внушительная зрительская толпа, жаждущая попасть на спектакль, можно было отчасти успокоиться: МХАТ здесь ждали.

По крайней мере, на первых двух спектаклях зрительный зал заполнили почти исключительно американцы, среди которых наблюдалось много актеров, режиссеров, продюсеров, представителей прессы. Среди них — не большие островки русскоговорящих. Усиление темпа действительно пошло спектаклю на пользу — он смотрелся динамичней, эмоциональней, провоцируя и аплодисменты, и смех, и моменты прозвительной тишины. Хотя временами ощущалось, что чистый, ясный в своей трагичности замысел Ефремова не до конца воплощался в актерском исполнении. Впрочем, детальная режиссерская разработка каждого характера, его эмоционально-пластичного рисунка явно покрывали эти издержки, даря

ее в безучастности. Но Вячеслав Невинный пытается объяснить: “С первого взгляда это может показаться даже оскорбительным. Но ведь Америка — совершенно иная страна, и надо уметь понять, что подобная реакция — вовсе не недостаток культуры, а более простодушное отношение к жизни, сложившееся в силу тех или иных исторических обстоятельств”. А Ию Савину даже порадовала эта неадекватность восприятия: “У нашей российской публики уже запрограммировано, что Чехов — это лирика, минор. Мне же всегда казалось, что он писал именно комедию. И, как ни странно, иностранцы ощущают эту комедийность больше, чем мы. Но ведь они в конце концов и плачут”. Мхатовские артисты сравнили реакцию нью-йоркской зрительской аудитории с реакцией отечественного зала, заполненного старшей классикой, имея в виду, конечно, не хамоватую развязность, а уникальную непосредственность и отсутствие каких бы то ни было стереотипов по отношению к увидянному.

В финале публика взорвалась бурными овациями. Аплодировали стоя, кричали “браво”. Кстати, по американским канонам не

Сцена из спектакля “Три сестры”

ощущение именно ансамбля, психологически обоснованной непрерывности сценического существования, что так ценит американский зритель.

Что же касается реакции американской публики, то она и впрямь была непредсказуемой и порой даже неожиданной на наш российский взгляд. Коллеги-профессионалы из нью-йоркских театральных школ и студий еще до начала гастролей говорили о том, что существует проблема перевода Чехова на английский язык и, шире, проблема восприятия его текстов и сюжетов полярным нашему американским менталитетом. Чехов для них — это не драма и тем более не трагедия, а скорее, трагикомедия. И, вероятно, знаменитый чеховский “подтекст” все-таки ближе российскому мироощущению. Здесь же был неосознанный отклик на какое-либо, юмористическую конструкцию фразы. Знаменитая реплика Чебутыкина: “Одним бароном больше, одним — меньше. Не все ли равно?”. Зал взрывается хохотом. “Моя жена — не женщина, а какое-то животное”, — откровенничает Андрей — и вновь безудержный смех.

Так и хочется с ходу обвинить ее в безучастности. Но Вячеслав Невинный пытается объяснить: “С первого взгляда это может показаться даже оскорбительным. Но ведь Америка — совершенно иная страна, и надо уметь понять, что подобная реакция — вовсе не недостаток культуры, а более простодушное отношение к жизни, сложившееся в силу тех или иных исторических обстоятельств”. А Ию Савину даже порадовала эта неадекватность восприятия: “У нашей российской публики уже запрограммировано, что Чехов — это лирика, минор. Мне же всегда казалось, что он писал именно комедию. И, как ни странно, иностранцы ощущают эту комедийность больше, чем мы. Но ведь они в конце концов и плачут”. Мхатовские артисты сравнили реакцию нью-йоркской зрительской аудитории с реакцией отечественного зала, заполненного старшей классикой, имея в виду, конечно, не хамоватую развязность, а уникальную непосредственность и отсутствие каких бы то ни было стереотипов по отношению к увидянному.

В пятницу и субботу было сыграно два первых спектакля, а в понедельник утром в газетах появились рецензии. Главным, как правило, определяющим здесь успех любой постановки рецензия — в газете “Нью-Йорк таймс”. Критик Питер Марко в солидной по объему публикации подробно останавливается на режиссерском и сценарно-драматическом решении. Вот как описан финал: “Купаясь в солнечных лучах, разрезавших листья (художник В. Левенталь), растерянные женщины кружатся механически, будто статистки с поврежденными механизмами. Каждая из сестер существует на своей собственной орбите, но она еще внутренне связана с двумя другими”. Отмечая смелое новаторское прочтение Ефремовым чеховской пьесы, критик видит его прожорливое в суровой обстановке несчастья — осуществление надежд невозможно. В этом, кажется, уверены, замечает он, и сами герои. В этой связи мхатовская версия пьесы сравнивается со спектаклем театра “Современник”, показанным в Нью-Йорке в прошлом году. “Сестры” Г. Волгача показали критику более оптимистичными, в особенности, “доминирующая” на сцене Маша — М. Неелова. В ефремовском же спектакле он, отдавая предпочтение актерскому ансамблю, никак не выделяет специально. Однако другой рецензент, опытный Клайв Барис (газета “Нью-Йорк пост”), более внимателен к отдельным исполнителям. Эпитеты “несбыточное”, “блестящее” адресованы В. Невинному, П. Медведевой, А. Жаркову, Н. Егоровой и Д. Брусникину. Финальный крик Тузенбаза “В газодикого ‘Ирина’ прощальный вопль перед дуэлью, критик сравнивает с возгласом Марлона Брандо ‘Стелла!’ в надувшейся некогда постановке пьесы Т. Уильямса ‘Трамвай ‘Желание’”. А вот работы В. Сотникова (Маша), О. Барнет (Ольга) и С. Любшина (Вершинин) его “спектра разочаровали”.

Фото И.АЛЕКСАНДРОВА

Зал аплодирует стоя